Елена Евгеньевна КРУГЛЯК

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена исследованию дипломатического дискурса, в частности дискурса социальных сетей. Появление официальных сайтов внешнеполитических ведомств привело к их публичности, а также к расширению адресатов международной дипломатии. В статье проводится анализ языка цифровой дипломатии с точки зрения лингвистических особенностей.

Ключевые слова: *дипломатический дискурс; социальные медиа, дипломатическая терминология.*

Elena E. KRUGLYAK

DIPLOMATIC DISCOURSE OF SOCIAL MEDIA (LINGUISTIC ASPECT)

The article is devoted to the study of diplomatic discourse, in particular the discourse of social networks. The appearance of official websites of foreign affairs agencies led to their publicity, as well as to the expansion of the addressees of international diplomacy. The article analyzes the language of digital diplomacy from the point of view of linguistic features.

Key words*: diplomatic discourse; social media, diplomatic terminology.*

В современной лингвистике существует несколько определений дипломатического дискурса. В нашей статье мы будем опираться на определение, данное Л.Г. Викуловой: дипломатический дискурс – это устойчивая система статусно-ролевых отношений, сложившихся в коммуникативном пространстве социального института дипломатии. Как и в любом другом институциональном дискурсе, здесь также присутствуют неотъемлемые компоненты коммуникативно-речевой деятельности: отправитель – сообщение – получатель (Викулова 2008). Дипломатический дискурс принято относить к институциональному типу дискурса, который, по определению В.И. Карасика, представляет собой «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития». Как и любой другой, дипломатический дискурс характеризуется завершённостью, цельностью и связанностью. Он представляет собой процесс, результатом которого является фиксированный текст (любая дипломатическая документация, корреспонденция и др.) (Карасик 2000: 193).

Важной составляющей дипломатического дискурса выступает дипломатическая коммуникация, целью которой является не только обмен информацией, но и оказание влияния как на отдельную личность, так и на целое государство, или же внушение получателю информации о необходимости тех или иных действий (Трабелси 2012). Таким образом, дипломатический дискурс призван не просто информировать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию (Шейгал 2000).

Основными функциями дипломатического дискурса исследователи Л.В. Володина и О.К. Карпухина считают следующие: коммуникативная (функция обмена информацией), конструктивная (формулирование мыслей), апеллятивная (воздействие на адресата), эмотивная (непосредственная эмоциональная реакция на ситуацию), фатическая (обмен ритуальными (этикетными) формулами), метаязыковая (функция толкования). Следовательно, дипломатическую коммуникацию можно определить как убеждающую (формирование ценностных ориентаций и установок); экспрессивную (побуждение к необходимому действию); суггестивную (воздействие для изменения мотивации, установок, поведения и отношений); ритуальную (закрепление и поддержание конвенциональных отношений) (Володина, Карпухина 2002).

Традиционно считается, что целью дипломатического дискурса является бесконфликтное, мирное разрешение противоречия (Вебер 2014: 213). Для этого используются специальные лингвистические приёмы, в частности обтекаемые речевые формулировки, их вежливость, подчинение дипломатическому протоколу. Дипломатический язык характеризуется также выбором лексических средств выражения, направленным на точность и лаконичность высказывания, часто обезличенностью конструкций, отсутствием субъективности, соблюдением дипломатической этики (Терентий 2010).

Однако на современном этапе дипломатический дискурс уже не рассматривается только как способ межгосударственного и межведомственного закрытого общения (переговоры между дипломатами или сотрудниками дипломатического корпуса), сейчас он становится всё более публичным, обращённым к широкой общественности. Дипломатический дискурс на сегодняшний день переместился в социальные медиа, которые, как утверждают Е.В. Ефанова и Д.В. Мельниченко, способствуют налаживанию коммуникаций между гражданами, открывают доступ к публичному пространству многим политическим субъектам, обеспечивают условия для участия граждан в политическом процессе и реализуют общественный интерес. Как многие общественные организации и движения, дипломатические службы и администрации президентов различных стран создают официальные страницы в сетях Facebook и Twitter. Став частью сети, они могут использовать преимущества сетевой коммуникации в своих интересах (Ефанова, Мельниченко 2018). Здесь следует говорить о формировании дипломатического дискурса нового типа, а именно дискурса цифровой дипломатии или дипломатии социальных сетей, сочетающего в себе особенности политического и медийного дискурсов. Под цифровой дипломатией Н.А. Цветкова понимает использование возможностей сети Интернет и информационно-коммуникационных технологий для решения дипломатических задач. В рамках цифровой дипломатии используются новые медиа, социальные сети, блоги и другие медиаплощадки глобальной сети (Цветкова 2011: 112). Для цифровой дипломатии характерен переход на публичный и открытый уровень коммуникации, расширение круга адресатов. И если ранее группа коммуникантов ограничивалась равностатусными участниками общения, то

теперь в качестве адресата наряду с дипломатами выступает и массовая аудитория (Новиков 2016).

Что касается французского языка цифровой дипломатии, здесь также есть свои особенности. Дадим определение франкоязычному дипломатическому дискурсу. Франкоязычный дипломатический дискурс – письменное или устное речеязыковое взаимодействие представителей франкоязычной дипломатической деятельности, результатом которой является текст (вербальный или невербальный) международной дипломатии.

Как любой институциональный дискурс, франкоязычный дипломатический дискурс характеризуется наличием специальной дипломатической терминологии, включающей в себя международную дипломатическую терминологию, терминологию международного права, общественно-политическую терминологию, а также речевые клише, эвфемизмы. Для него типична терминологическая полисемия и наличие значений терминологического характера у общеупотребительной лексики (например, общеупотребительный глагол *convenir* «подходить» имеет значение «условиться о сроках визита»). При переводе на русский язык возможны расхождения как в области морфологии (например, замена числа *dans le cadre de l'ONU* - «в рамках ООН», замена части речи *invité par* «по приглашению»), в области синтаксиса (например, изменение при переводе прямого порядка слов французского предложения на инверсию в русском варианте *Les ministres signeront un nouveau plan d'action du partenariat stratégique franco-letton* «Новый план действий по стратегическому франко-латышскому партнёрству будет подписан министрами»), в области грамматики (например, замена активной формы глагола на пассивную *Mme Nicole Belloubet, ministre de la justice, a remis aujourd'hui au secrétaire général du Conseil de l'Europe la ratification du protocole à la convention européenne des droits de l'Homme* «Ратификация протокола европейской конвенции по правам человека была сегодня передана генеральному секретарю Совета Европы министром юстиции Франции Госпожой Николь Беллубе). Следует также учитывать такую особенность французской речи как использование в роли подлежащего неодушевленного существительного, которое в русском языке чаще выполняет функцию дополнения (*Ces bombardements ont fait un grand nombre de victimes parmi les civils au cours des dernières 24 heures* «За последние сутки в результате бомбардировок погибло большое количество гражданского населения») (Гак, Григорьев 2013). Для дискурса цифровой дипломатии также характерны семантические неологизмы (*une feuille de route* «дорожная карта, *eradication du terrorisme* «ликвидация терроризма, *le seuil de tolérance* «допустимый предел терпения»), так называемая злободневная лексика, которая не фиксируется в словарях.

Список литературы:

Вебер Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе. Автореферат дис. канд. филол. наук. Иркутск, 2004.

Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации. М., 2008.

Володина Л.В., Карпухина О.К. Деловое общение и основы теории коммуникации. Санкт-Петербург, 2002.

Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода: Французский язык: Учебное пособие. М., 2013.

Ефанова Е.В., Мельниченко Д.В. Социальные медиа как инструмент публичной политики в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 92–95.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.

Новиков Н.В., Викулова Л.Г., Макарова И.В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии// Вестник коммуникативные практики Волгоградского гос. университета. Серия 2 «Языкознание». – 2016. – Том 15. – № 3. – С. 54-56.

Терентий Л.М. Специфика дипломатического дискурса как формы коммуникации (Электронный ресурс) / Л.М. Терентий // Известия ВГПУ. 2010. №10. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-di-plomatichesko-go-diskursa-kak-formy-kommunikatsii (Дата обращения: 14.08.2018).

Трабелси Х. Политический дискурс как объект лингвистического исследования// Современная филология: теория и практика. Москва: Изд-во «Спецкнига». 2012. С.104–110.

Цветкова, Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011, № 3. С. 109–122.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000.

Кругляк Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов), *krug280692@ya.ru*